

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

Газета «Вести» в 1997 году опубликовала ряд статей, посвященных Новому году. Ваш покорный слуга рассказал о некоторых нюансах военно-морской службы как в будние дни, так и в предпраздничное новогоднее время. Многие из рассказанного мне довелось видеть лично, а в некоторых событиях принимать непосредственное участие. Повествование уносит нас в далекий 1985 год.

Коммунистическая Партия Советского Союза в лице Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева готовилась начать гражданскую перестройку страны. В советском военно-морском флоте в те времена гуляла поговорка, авторство которой почему-то приписали английским морякам. Уверен, ее придумали остроумные советские военморы от имени чопорных англичан: «Корабельная служба – тяжелая служба, но русские сделали ее невыносимой».

Статья в «Вестях» вышла 4 марта 1997 года, как я уже говорил, в аккурат к китайскому Новому году, и называлась «Не можешь – значит, не хочешь». Печатаю ее с небольшими сокращениями. События в рассказе начались в удивительное время, которое до сих пор существует только у нас и называется Старый новый год.

«НЕ МОЖЕШЬ – ЗНАЧИТ, НЕ ХОЧЕШЬ»

(«Вести» № 43 от 4 марта 1997 года)

В те годы из Вооруженных сил увольняли только ввиду смерти, по болезни, выслуге лет либо по статье за дискредитацию высокого офицерского звания, или по служебному несоответствию. Причем последние две «статьи» автоматически лишали уволенных пенсии. Здоровые мужики в офицерских погонах маялись, мучили себя и других. В ожидании вольной они искали любую лазейку, чтобы «просочиться» на желанную «гражданку»...

... Командир группы авиатехнического наблюдения лейтенант Полторадня открыл глаза после беспокойного сна зимой в общежитии и минут десять решал, идти ему сегодня на службу или нет. Вопрос не застал его врасплох, так как командир РТН уже два месяца не появлялся на своем корабле.

Жена, которую он по-своему любил, поневоле случайно привела его к мысли «идти». Поздно вечером накануне она вышла к подруге за кусочком хлеба, а вернулась рано утром. Под недорогой шубой пестрел ее кухонный халат, только надетый наизнанку...

Всегда тихий Полторадня на этот раз не выдержал и заехал жене в глаз небольшим аккуратным кулаком. Та с визгом расцарапала ему лицо и заперлась в ванной. Из ванной два часа доносились рыдания вперемешку с отборной руганью. «Неверная» работала продавцом в магазине военторга и имела огромный опыт по части словесных извержений.

Лейтенант от чрезмерного накала страстей напился. Теперь с передней части тяжело размышляющей головы в потолок смотрели два припухших глаза. В дверь кто-то позвонил. «Наверное, опять оповеститель», – отстраненно подумал хозяин квартиры. Оповестители за последние месяцы каждый день приносили ему записки от командира с требованием немедленно прийти на корабль. Запыхавшихся матросов в дверях встречала жена с простым объяснением: «Мужа нет дома». Но встреча с нелюбимым кораблем была неизбежна хотя бы для получения денежного довольствия. Предстояло мучительное объяснение с прямыми и непосредственными начальниками: почему его не было на службе? И здесь жена поневоле вручила ему козырную карту. Поцарапанная физиономия говорила сама за себя. Добавьте к тому виноватые глаза, небольшой рост, плохо выглаженную форму с нестиранным воротником кремовой рубашки. Ну кто такого будет ругать? Так оно и случилось. Командир выслушал сбивчивые объяснения лейтенанта и коротко бросил: «Мудак!»

Командир был неправ. Полторадня, выпустившись из училища полтора года назад, попал служить на крейсер первого ранга. На третий день службы после первого разноса он стал сомневаться, что служба – это его удел. После второго разноса он написал рапорт на увольнение. Но в те времена добровольно уйти со службы не мог никто, так же, как добровольно выйти из КПСС, в коей Полторадня состоял уже несколько лет. Но рапорт свое действие возымел, и командир боевой части прекратил тиранить молодого офицера.

Вторым рапортом об увольнении он выхлопотал себе отпуск летом. После третьего его перевели на другой корабль с хорошими характеристиками. Там он продолжил свои нехитрые фокусы, после чего очутился на третьем «борту», гуляя по бригаде, как переходящий красный выпел.

На третьем корабле его раскусили с первого захода. Народ там изрядно пьянствовал, и многие были не прочь сами уйти «на гражданку», хотелось бы в рай, да грехи не пускали. Командир корабля – тертый калач, ознакомившись с рапортом лейтенанта, из полумрака каюты изрек: «Не хочешь – заставим». В каюте витал устойчивый запах «шила», тревожно щекоча ноздри.

Лейтенант благоразумно не стал развивать щекотливую тему. Полторадня изменил тактику – западал (т. е. не появлялся на службе) на неделю, а то и на две. Он пытался набрать очки на увольнение хотя бы с формулировкой «по несоответствию».

Не тут-то было. Заместитель начальника политотдела бригады, когда ему положили на стол представление на увольнение лейтенанта, едва прослужившего два года, мудро заметил: «Нас не поймут!».

Командир бригады выразился значительно многословнее. Поставив в «стойку» командира корабля, он долго его учил, как нужно воспитывать молодого офицера. Молодой же офицер стоял за дверью и счастливо внимал доносившимся матерным трелям.

Наконец настало его время. Он зашел к комбригу с рапортом: «М...м...м... служить бы рад, да квартиры нет». Комбриг, спустивший полкана на «кэпа», отдыхал от своих речей. Лейтенантом занялся большой замполит. Тот считал себя опытным педагогом и глубоким психологом. В результате исследования социально-психологического среза, проведенного твердой рукой политического наставника, командование бригады единодушно решило дать лейтенанту квартиру.

А тут подоспело очередное воинское звание, которое вознамерился притормозить

командир боевой части («бычок»). Только лейтенант твердо знал свой «маневр».

«Бычку» промыл мозги командир корабля: «Квартиры он достоин, а звания – нет? Нелогично...» Командир боевой части от безысходности напился. Был застукан своим замполитом, и вопрос задержки очередного звания отпал «как яйца от продналога» (любимое выражение замполита).

Старший лейтенант Полторадня тут же ушел в длительный запой. Три недели он обмывал звезды и тосковал по рухнувшим надеждам на скорое увольнение. Своим старлеевским умом Полторадня понимал, что пьянство – это не выход. За это из Вооруженных сил СССР не увольняют. Чтобы пьянствующего офицера выгнали, нужно ловить зеленого змия как минимум в кабинете командующего флотом и там же соблазнить его дряхлеющую супругу. Последняя мысль особенно пришлась по душе командиру группы РТН. Он решил удариться в блуд. Да ни с кем попало, а с женой замполита бригады. О ее доступности по военному поселку ходили легенды. Дело оставалось за малым: найти повод для знакомства с бригадной дамой номер два (потому что номер один – жена комбрига), отпустив свою жену в отпуск. Зачем лишние препятствия на пути к заветной цели?

На 7 ноября, когда все замполиты держали фронт на кораблях, командир группы с бутылкой шампанского и цветами отправился поздравлять даму № 2 от имени мужа.

Та, открыв дверь и выслушав длинные витиеватые поздравления с Днем Великого Октября, на время лишилась дара речи.

Старший лейтенант, воспользовавшись ее замешательством, скромно и неловко толкаясь в коридоре, попросил воды... Утром, выходя из квартиры зама, насквозь пропахший «Шанелью № 5» Полторадня мысленно поставил себе «зачет». Он, конечно, поторопился, еще не зная, какой удар ему приготовила судьба.

Жена замкомбрига от дикости небольшого приморского поселка шалела. Душа ее требовала праздника, кипения жизни, да где их взять в захолустье, живущем одной большой семьей. Полет ее воображения сделался еще ниже, когда соседи по площадке, сослуживцы мужа, обменялись женами. Т. е. официально сначала развелись, потом

зарегистрировались, но с другими имьяреками. Семейная рокировка сбита с толку детей той и другой стороны. Все настолько перепуталось, что на праздники одурманенные спиртным семейные пары на ночь приходили к исходному варианту совокуплений. А утром, протрезвев, брали отступного. Куда там шведским семьям! Их любовные игры – всего лишь жалкое фиглярство по сравнению с мощным пульсом сексуально-разнообразного бытия всего-то одной советской лестничной площадки, исписанной неприличными словами. Что оставалось молодой женщине, которую муж притащил за собой в Тьмутаракань и оставил наедине с опасными мыслями и пагубными примерами, за которыми далеко ходить не надо.

Время в захолустье движется быстро. Глядь, жизнь прошла и молодость увяла. С некоторых пор у дамы № 2 появилась странная привычка: возвращаясь из отпуска, она привозила с собой новые красные туфли на очень высокой шпильке. Непонятно только, почему красные. Ведь красный цвет не шел блондинистой голове хозяйки. Вероятно, цвет революции устойчиво вошел в семью политработника, а может, на то были иные причины. Эти туфли молодая персона надевала один раз на Новый год, и то после того, как многие гости спали, что называется, лицом в оливье. Затем залезала на стол, раздевалась и исполняла танец не то живота, не то еще чего в чем мать родила. Маленький приморский городишко прощал ей маленькие слабости. Каждый имел право на свой кураж.

Подпрыгивающему от радости старлею, источавшему благовоние, было невдомек, что он всего лишь маленький свежий зеленый листик с дерева причудливой военной жизни, наколотый на красную шпильку искушенной в развлечениях женщины. Муж ей простит и худшее. А ему, неопытному обольстителю, отныне засветила новая перспектива служебного роста.

Вот о чем не догадывался старший лейтенант Полторадня, мечтавший о скором увольнении: командира группы РТН отправили учиться на высшие офицерские классы в Ленинград.

Через девять месяцев он, повышенный в должности, вернулся на другой корабль, который снова его возвратил к мысли об увольнении. Имея богатый опыт брать врага измором, он один за другим отверг опробованные варианты. Самый простой путь увольнения из ВС СССР – переход в ведомство КГБ, т. е. когда строевого офицера перековывали в Новосибирске на чекистский манер.

Полторадня, теперь уже командир дивизиона, стал подбивать клинья под корабельного особиста. Тот сразу пошел на контакт. Полторадня так вошел в роль будущего контрразведчика, что стал охотно «стучать», чего раньше стеснялся. В конце концов доказав таким образом свою полную благонадежность, комдив предложил особисту дружить семьями. Вскоре он должен был поехать учиться в Новосибирск на контрразведчика и через девять месяцев выявлял бы антисоветские элементы в монолитной флотской среде. Все шло по плану. Только жена стала часто бегать к контрразведчику, бывавшему дома значительно чаще обыкновенного защитника Родины.

Муж смотрел сквозь пальцы на походы своей жены, даже после того, как жена особиста вместе с детьми укатила в отпуск.

Полторадня тоже уехал в отпуск, оставив свою жену одну, наедине со всей контрразведкой соединения. Это была стратегическая ошибка «перебежчика». Особист элементарно погорел на бабе. Его суженая вернулась раньше срока и без предупреждения. Похороны заветной мечты состоялись сразу по прибытии. Особист-протеже к тому времени ловил шпионов в другом регионе страны.

Удар судьбы был настолько силен, что несостоявшийся чекист даже бросил пить. Сослуживцы напрямую спросили, «не сумасшедший ли он».

«Сумасшедший»... Это был вариант. Только почему эта гениальная мысль ему сразу не пришла в голову? Сумасшедший – вот выход. Он срочно взялся изучать «психическую» литературу. И через несколько недель это был готовый псих. Дело оставалось за малым – доказать окружающим, что он тихо помешанный. «Полоумный» комдив начал издавека. Он жаловался на сильные головные боли. Его положили в неврологическое отделение военно-морского госпиталя на обследование. В отделении дела с головой шли все хуже и хуже. Через несколько дней медсестры начали осторожно жаловаться, что больной допекает их стихами собственного сочинения. Причем днем пишет, а ночью садится на медпосту и вслух читает. Медсестры тяготились поэзией по причине полной невозможности прихватить часок-другой от дежурства для сна. К тому же поэт действовал на нервы лейтмотивом своих опусов, сводившихся к одной строфе: «Скорее лев откажется от мяса, чем женщина от ласки моряка». «Полоумный» комдив хитроумно переделывал матросские стихи, которыми догадливо запасся. Матросы из поколения в поколение вносили в записные книжки поэтические строки собственного сочинения и украшали ими дембельские альбомы. В конце концов весь медсестринский персонал неврологического отделения перестал сомневаться, что поэт – сумасшедший.

Полторадня направили к начальнику психиатрического отделения на обследование. Командир радиотехнического дивизиона понял, что пришло время решающего сражения.

Здесь многое зависело от личности самого психотерапевта. А личность его, прямо скажем, была колоритной.

Профессия лечить психов наложила на лечащего врача неизгладимый отпечаток. Четвертая жена, как и предыдущие три, долго не выдержала и сбежала от специалиста в области бурно и вяло протекающих шизофрений. Специалист тем не менее был не так прост, как казалось спутницам жизни. Он рано понял, что психиатрия – это мощный рычаг сокращения Вооруженных сил. От клиентов, желающих получить желтый билет и, следовательно, освободить себя от воинской повинности, не было отбоя.

Поставив дело на коммерческую основу, психиатр мог себе позволить теперь маленькие любовные развлечения, не доводя дело до ЗАГСа.

Полторадня не ведал, что идет не к врачу, а к акуле психобизнеса. Поэтому разговор врача с больным не получился. Хотя комдив «косил» весьма натурально, психиатр хранил непроницаемое лицо. Он ждал предложений. Боевому офицеру нередко приходилось смотреть в лицо опасности. Оно выглядело примерно так, как лицо психиатра. Полторадня никак не решался предложить взятку. «А вдруг это провокация?» Хотя вопрос о том, сколько он получает, на секунду обнадежил комдива. Но ответив на него правдиво, он увидел, как у врача окончательно пропал интерес к нему. Сражение было проиграно. Даже после того, как Полторадня написал на корабельных ракетных установках: «Я за разоружение», – ему не поверили. И тихо убрали на ракетно-техническую базу – начальником лаборатории.

Только после того, как на политических занятиях новоиспеченный начлаб назвал СССР главным мировым агрессором и заявил, что хозяйственный механизм капитализма эффективнее социалистического, им всерьез занялась отечественная медицина. Но диагноз начальника психиатрического отделения военно-морского госпиталя остался без изменений: «Молотит».

Пока его голову обследовали на томографе военно-морские доктора, в воинской части командир и замполит решали, что делать. Как убрать из части «сумасшедшего»? «Сумасшедший» же вернулся из госпиталя в спокойном ожидании приезда заместителя командующего Военно-Морским флотом с проверкой. Подготовка к встрече адмирала шла привычным чередом. Женщины-военнослужащие ножницами равняли траву газона рядом с КПП, а матросы дружной гурьбой собирали желтые одуванчики – те портили зеленое единообразие.

По аллеям воинского парка бродили группы военнослужащих срочной службы и сбивали желтые листья с деревьев, чтобы их меньше облетало во время визита замглавкома. Затем в спешном порядке перекрашивали аллеиные лавки. Оказалось, что почетный проверяющий любит голубой цвет. Красить пришлось ночью, при свете прожекторов, которые специально поставили для этих целей.

Адмирал приехал на черной «Волге». Двое приставленных к нему капитанов третьего ранга резво выскочили из машины. Один бросился открывать двери, второй подавать руку. Грузно вывалившись из «Волги», адмирал небрежно выслушал доклад командира части о том, что все хорошо, и двинулся сквозь строй, замерший в положении «смирно – чего изволите» офицеров.

Адмирал остался доволен бодрими докладами, созерцанием ровных газонов и аккуратных аллей. Перемещаясь со свитой по аллеям парка, читая там и сям нехитрые агитки на стендах: «Красив в строю – силен в бою», «Не почишь бляху – в бою дашь маху», – старый воин почему-то растрогался и решил присесть на скамейку отдохнуть от нахлынувших впечатлений и воспоминаний.

Все это время за ним неотступно следил «полоумный» начлаб. Он выжидал, когда можно будет подкатить к адмиралу с нехитрой просьбой: «Дай закурить!»

Осуществи начлаб свой план, наверняка был бы уволен.

Адмирал, пронзенный взором Полторадни, сел на скамейку. Не отрывая горящего взгляда от широкой спины замглавкома, «сумасшедший» двинулся к цели.

Все испортил насморк. Адмирал накануне принимал сауну и простыл.

Не будь насморка, опытный флотоводец почувствовал бы запах свежей краски. Когда он оторвал «корму» от лавки, на черном плаще осталось несколько голубых полос. Сопровождающие замерли. Замер и начлаб, тем самым выдав присутствие у себя разума. Командир части заметил тощую фигуру своего «измывателя», крадущегося к адмиралу с «сумасшедшими» намерениями.

Командир потянулся за валидолом. Он со знанием дела умел изображать сердечные приступы. Его заместитель по политической части покрылся испариной и переводил взгляд со ставшего полосатым адмиральского плаща на почему-то остановившегося начлаба.

Кто первым сообщит адмиралу о плаще, тот первым и примет на себя его гнев. Понятное молчание затянулось. Замглавкома сам разрядил ситуацию, решительно направившись к выходу. Свита настороженно засеменила за ним. Направились вслед визитеру и командир с замполитом. Те поминутно оглядывались назад, стараясь удержать в поле зрения одиноко торчащую начлабовскую фигуру на подстриженном газоне. Адмирал так и уехал в полном неведении относительно своего плаща.

После проверки командир вызвал секретника, начальника строевого отдела и приказал готовить документы на Полторадию для учебы в академии. Замполит пытался было возразить, но командир посмотрел тяжелым взглядом куда-то в район замовской переносицы. И тот осекся на полуслове.

«Пусть у... куда угодно, хоть в Академию Генерального штаба! Тебе, – он обратился к начальнику штаба, – ставлю задачу, чтобы он поступил».

В 1985 году капитан-лейтенант Полторадия, начальник отдельной лаборатории ракетно-технической базы, успешно сдал экзамены на выездной комиссии Военно-морской академии имени Маршала Советского Союза А. А. Гречко. А еще через три года он вернулся в родную часть с повышением – начальником цеха подготовки

крылатых ракет.

К этому времени ни зама, ни командира, выведших в люди Полторадию, уже не было. Не задерживаясь в должности начальника цеха, выпускник академии пошел на повышение, только уже в другую часть.

В 1990 году он вернулся командиром базы с устным препровождением вышестоящего начальника: «Вы его взрастили, вы с ним и е...!»

Круг замкнулся.

1 января 1993 года был принят закон «О статусе военнослужащих», разрешивший уходить офицерам по неподписанию контракта. Капитан 2 ранга Полторадия контракт не подписал. Его уволили, как оказалось, неправильно. Он долго судился. Через два года суд восстановил его в прежней должности. После чего, получив все причитающееся ему денежное довольствие сполна (за 2 года), командир ракетно-технической базы надел гражданский пиджак. Сбылась его мечта, к которой он шел 18 лет.

Вячеслав СКАЛАЦКИЙ